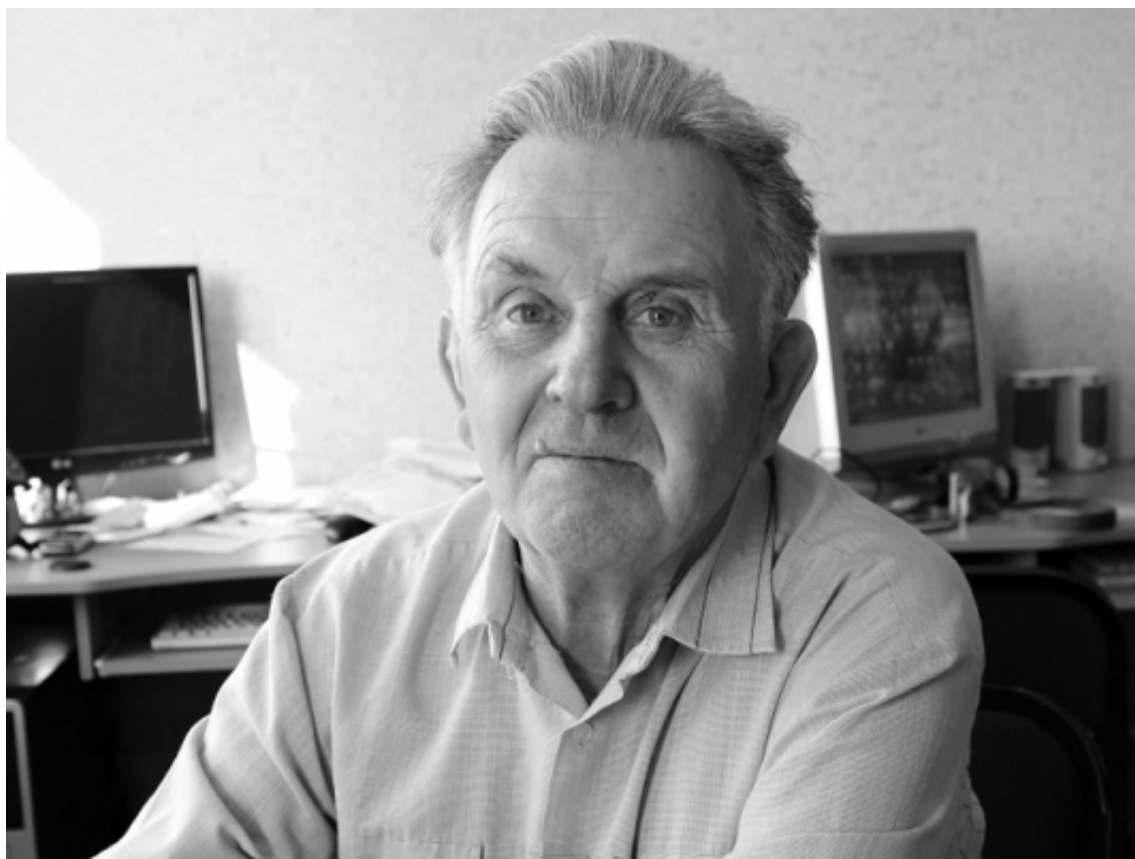

Убийственные слова

Приговор убийце тулунского журналиста Александра Ходзинского взбудоражил региональную общественность. Один год и десять месяцев ограничения свободы, которые получил за свое преступление бывший заммэра города Геннадий Жигарев, поверг в шок не только родственников погибшего. Коллеги убитого и общественники сочли такое решение судьи оскорбительно мягким. Тем не менее в деле не все так однозначно, как кажется.

Роковая апелляция

Конфликт между Александром Ходзинским и Геннадием Жигаревым имеет давнюю историю. Убитый 74-летний журналист многие годы публиковал в местной и областной прессе разоблачительные статьи с результатами собственных журналистских расследований о злоупотреблениях чиновников и предпринимателей. Конкретно Жигарева, занимавшего тогда пост заместителя мэра города Тулуна, Ходзинский серьезно задел в своих публикациях в 2006 году. Он опубликовал несколько материалов в местной прессе о нарушениях при строительстве тулунского торгового центра «Созвездие», которым владеет супруга убийцы

журналиста Татьяна Жигарева.

С жалобами на ее стройку еще в самом начале в открытом письме обратились шесть предпринимателей. В своей коллективной петиции, разосланной в адрес городских властей и местных СМИ, они возмутились, что строительство ведется прямо посреди улицы Степана Разина, захватывая проезжую часть. Кроме того, здание возводилось с многочисленными нарушениями градостроительных и противопожарных норм.

Последующие за этим письмом критические статьи Ходзинского вылились в несколько судебных исков о клевете со стороны четы Жигаревых. Юридические баталии по этим делам проходили с переменным успехом — часть процессов выиграли Жигаревы, часть Ходзинский. Незадолго до этого тогдашний мэр Тулуна Виктор Пивень отстранил Жигарева от должности. Одной из причин отставки могли стать именно выявленные нарушения при строительстве ТЦ «Созвездие» и факты злоупотреблений Жигаревым своими полномочиями, направленных на помощь жене.

За публикацию ложной информации о стройке ТЦ «Созвездие» Жигаревы пытались привлечь и газету «Компас», где публиковался Ходзинский, в лице главного редактора Светланы Баженовой. Она пояснила, что суду не понравилась формулировка в одной из статей о том, что «Хулиган ... Жигарев, прикрывшись фиговыми листьями на мэрских бланках, придал законный статус нелегитимному объекту». По мнению судьи, эта публикация нанесла ущерб чести, достоинству и репутации экс-чиновника. При этом истцам не удалось на суде опровергнуть все остальные факты о торговом центре, о которых писал Ходзинский.

Главный редактор рассказала, что с Александром Ходзинским сотрудничала в общей сложности 14 лет, что убитый журналист очень качественно проводил собственные журналистские расследования и всегда ответственно относился к делу.

Светлана Баженова:

— Мы познакомились, когда я пришла работать в тулунскую газету «Присяянский край», где он был внештатным корреспондентом. К тому моменту он уже многие годы регулярно публиковался и в городских, и в областных газетах, например, в «Байкальских вестях». И когда в 2001 году я открыла свою газету «Компас», он сразу же пришел ко мне.

В «Компасе» Ходзинский внештатно трудился экономическим и политическим обозревателем. Раз в месяц он готовил аналитику на целую полосу о социально-политической и экономической ситуации в стране, в регионе и на местном уровне. В своих публикациях журналист смело затрагивал многие остросоциальные темы.

— У Александра Ходзинского не было журналистского образования, но его профессионализму могли позавидовать многие дипломированные специалисты, — рассказывает Светлана Баженова. — Он обладал великолепной логикой мышления, умел

качественно анализировать и сопоставлять факты, выхватывать суть буквально на лету. Кроме того, у него был прекрасный слог, а еще широкий круг интересов и тем и равнодушно сердце. В свои 74 года Александр Николаевич сохранял живой ум, жизненную активность и, несмотря на преклонный возраст, продолжал регулярно публиковать статьи об острых, наболевших проблемах.

Последнее судебное разбирательство, в котором участвовал убитый журналист, касалось случая избиения Ходзинским супруги Жигарева во время проверки надзорными службами, инициатором которой был сам погибший журналист. Однако Татьяна Жигарева отказалась пускать его в торговый центр вместе с проверяющими. Завязалась потасовка, после которой женщина написала в полицию заявление об избиении.

Этот случай люди, близкие к Ходзинскому и Жигареву, оценивают по-разному: одни говорят, что престарелый журналист оборонялся тростью от нападавшей на него женщины. Другие отмечают, что Ходзинский вел себя неадекватно и намеренно побил хозяйку торгового центра. Мировой суд не подтвердил факт избиения предпринимателя и полностью оправдал Ходзинского. На следующий день Геннадий Жигарев с раннего утра ездил по городу, разыскивая журналиста, и нашел его около 8 часов утра на даче. Хозяин дома вышел навстречу нежданному гостю босиком и с пустыми руками. Разговор между ними сразу не заладился — завязалась словесная перепалка, в результате которой Жигарев брызнул в лицо пожилого журналиста перцовым баллончиком, а затем избил его и нанес ему пять ударов ножом. Оставив тело у ограды, мужчина вернулся в город, где его и задержал наряд полиции.

Неизвестные обстоятельства дела

Ввиду особого статуса убитого и подсудимого, расследование дела поручили старшему следователю по особо важным делам регионального главка СК Павлу Гойнику. Изначально в отношении Жигарева возбудили дело по статье 105 УК РФ «Убийство». И уже в процессе расследования переквалифицировали на 107-ю «Убийство, совершенное в состоянии аффекта». По словам следователя, на то имелось несколько веских причин. Состояние аффекта Жигарева подтвердили результаты двух судебных экспертиз — психолого-психиатрической и комплексной психологической, исследующей исключительно возможное состояние аффекта.

Павел Гойник:

— Жигарев полностью раскаивался в содеянном, никогда не отрицал факта нанесения телесных повреждений Ходзинскому и полностью признавал свою вину. Но он настаивал именно на состоянии аффекта, поскольку, исходя не только из заключения экспертиз, но и из материалов дела, результатов опроса свидетелей выходило, что у Жигарева от контактов с Ходзинским имела длительная психотравмирующая ситуация.

По словам самого осужденного, изначальной цели убивать или наносить какие-либо травмы

погибшему у него не было, он лишь хотел поговорить и потребовать извинений перед женой. В связи с этим заявлением факт появления ножа в руках у Жигарева — один из немногих невыясненных обстоятельств дела. По одним данным, холодное оружие Жигарев взял с собой заранее, по другой версии — ножа при себе у него не было, его он взял чуть позже в машине.

Следователь отмечает, что появление оружия у Жигарева не смогла внятно разъяснить и единственная очевидица убийства Елена, соседка Ходзинского по даче. На первых и последующих допросах она по-разному описывала этот эпизод произошедшей трагедии, за что в итоге зацепились адвокаты подсудимого.

— Она не слышала самого разговора, только видела действия фигурантов дела. На этапе следствия она в целом подтверждала слова Жигарева, — рассказывает Павел Гойник. — Единственный момент: она не видела, возвращался ли Жигарев к машине и брал ли перцовый баллончик — в этом и было основное противоречие в показаниях. Изначально очевидица уверенно говорила, что нож и газовый баллончик у Жигарева был с собой в кармане, из чего следовало, что он заранее готовился к преступным намерениям. При этом женщина не смогла объяснить, почему она не заметила момент возвращения к машине — место преступления и автомобиль Жигарева с той точки, где она находилась, были ей хорошо видны. Свидетельница оправдывалась тем, что периодически отвлекалась от потасовки, когда звала на помощь. А дойти до машины Жигареву было делом нескольких секунд.

В итоге, так как показания непосредственной свидетельницы оказались неполными и противоречивыми, о сути словесного конфликта и последующего убийства суду пришлось опираться только на показания самого Жигарева. «Последней каплей» для обвиняемого стало оскорбительное высказывание Ходзинского о его погибшем сыне. Именно это, как сам оценивал свои действия обвиняемый, и послужило спусковым крючком для убийства, поскольку от нахлынувших в результате оскорбления чувств мужчина «не ведал, что творил».

Трагическая гибель сына в автокатастрофе в 2001 году подкосила душевное здоровье отца. Жигареву пришлось пройти несколько курсов лечения в психоневрологическом диспансере, и он до сих пор состоит на психиатрическом учете. Именно эту инвалидность обвиняемого судья учитывал при вынесении приговора.

Светлана Баженова ставит под сомнение то, что Ходзинский мог сказать что-то оскорбительное о сыне Жигарева. Дело в том, что он сам пережил трагическую гибель собственного ребенка. Только по этой причине он просто не осмелился оскорбительно высказаться о такой личной болезненной теме.

Тем не менее Павел Гойник отмечает, что в ходе расследования Жигарев вел себя адекватно и спокойно. Работе следствия подсудимый никак не препятствовал, и ни разу не уклонялся от ответственности. Учитывая хорошее поведение подсудимого, в декабре 2012 года вместе с переквалификацией статьи обвинения ему заменили арест на подписку о невыезде.

Как рассказал следователь, проходившие по делу свидетели, близкие к обоим фигурантам, поразному оценивали поступок Жигарева, не отрицая наличия длительного конфликта между убийцей и жертвой. Родственники, друзья Ходзинского и местные журналисты, с которыми он работал, однозначно высказывались за то, что убитый журналист выполнял свой гражданский долг и боролся за правду. А значит Жигарев напал и убил его совершенно необоснованно. Близкие Жигарева характеризовали произошедшее как закономерный результат действий самого Ходзинского, который в своих журналистских расследованиях о нарушениях ТЦ «Созвездие» выполнял чей-то заказ.

Приговор опротестуют

Критическими высказываниями по приговору Геннадию Жигареву уже отметились многие общественники, журналисты, юристы и политики Приангарья. Большое недовольство вызывает форма наказания — ограничение свободы, не предполагающее тюремного заключения. По юридическим понятиям — это своеобразная форма домашнего ареста. Жигареву нельзя посещать дискотеки, митинги, массовые праздники и выходить из дома в ночное время. В остальных же своих передвижениях осужденный не ограничен. Поводом для критики стала и квалификация дела как результата личного конфликта между Жигаревым и Ходзинским, не учитывающая профессиональную деятельность последнего.

Уполномоченный по правам человека в Иркутской области Валерий Лукин, комментируя приговор Жигареву, признал, что глубоко разочарован решением суда и вынесенным приговором. Он считает, что о справедливости вердикта не может идти речи.

— Назначенное убийце наказание не соответствует тяжести преступления, — отметил омбудсмен. — Но не только в этом дело. Сомнению подвергнуты репутация и доброе имя Александра Ходзинского — человека, бескорыстно и открыто выступавшего в защиту общественных интересов, против произвола и беззакония. Убежден, что убийство связано с выполнением журналистом своего профессионального и гражданского долга.

Под свой контроль ситуацию с приговором взяла и общественная палата Иркутской области, призывающая журналистов Приангарья к корпоративной солидарности. «Убийство журналиста, исполняющего свои профессиональные обязанности по отстаиванию общественных интересов, является особо опасным преступлением. Это прямая угроза свободе слова. Наша принципиальная позиция такова, что вынесенный Тулунским городским судом приговор абсолютно не адекватен тяжести содеянного. Данное дело требует тщательного расследования, с установлением всех обстоятельств преступления. Гражданское общество ждет справедливого правосудия», — говорится в официальном заявлении палаты.

Сейчас коллеги Ходзинского пытаются вывести ситуацию с несправедливым, на их взгляд, приговором на уровень федеральных властей и СМИ. А региональный благотворительный

фонд имени Юрия Ножикова готов оказать посильную помощь родственникам погибшего в суде. Глава фонда Юрий Курин отметил, что показания Жигарева о якобы оскорбительных высказываниях Ходзинского просто не могли привести к таким трагическим последствиям.

— Вдруг на основании одной фразы, которую сказал Ходзинский, состояние убийцы радикально поменялось, — отмечает Юрий Курин. — И преступление Жигарева стало квалифицироваться не как умышленное убийство, а как возникшее в состоянии внезапного сильного душевного волнения. О чем речь? Ведь Жигарев сам к нему приехал на разговор. Журналист находился на своем участке, был безоружен и спокоен. Что могло в его поведении спровоцировать состояние аффекта у убийцы? Аффект — это очень кратковременное состояние, в котором человек теряет голову и не может контролировать свои действия. А в нашем случае Жигарев долго, целенаправленно искал Ходзинского по городу, а впоследствии спокойно уехал с места преступления и при задержании вел себя осознанно, не совершая ничего себе во вред. Я как бывший следователь и прокурор убежден, что здесь имело место умышленное убийство.

Интересы Жигарева в суде отстаивает очень опытный и профессиональный адвокат, поэтому в юридической среде мало кто готов ввязываться с ним в противостояние. Однако иркутский адвокат Римма Суворова уже официально согласилась защищать интересы пострадавшей стороны.

Юрий Курин сообщил, что адвокатская помощь родным погибшего журналиста не станет разовой акцией. В ближайших планах — создать на базе фонда постоянно действующий комитет по гласности, защите свободы слова и журналистов. В рамках комитета планируется сформировать юридический пул, защищающий представителей СМИ Приангарья от притеснений и преступлений, связанных с их профессиональной деятельностью.

Несмотря на возможные трудности, апелляция приговора Жигареву все же будет рассматриваться в Иркутском областном суде. Поэтому в деле об убийстве Александра Ходзинского еще рано ставить точку.

Андрей Щепин, IRK.ru

Изображения

05 Февраля 2014

Адрес страницы: <https://irk.sledcom.ru/folder/878932/item/878950>